

ВВЕДЕНИЕ

А врать-то зачем?

«Простите меня. Если не готовы прощать, не читайте дальше этих строк, проклинайте меня и мою книгу — не читая. Так делают многие. Я замахнулся на самое святое, что есть у нашего народа, я замахнулся на единственную святыню, которая у народа осталась, — на память о Войне, о так называемой «великой отечественной войне». Это понятие я беру в кавычки и пишу с малой буквы. Простите меня...»

У меня пустая душа, а мозг переполнен номерами дивизий. Носить в мозгу такую книгу я долго не мог. Ее НАДО было написать. Но для этого надо было бежать из страны. Для этого надо было стать предателем...»

Эти слова Владимира Богдановича взяты из вступления к «Ледоколу». В. Суворов разрывает на себе одежды, посыпает голову пеплом, в каком-то экстазе называет себя предателем, негодяем и вообще нехорошим человеком, не пожалевшим даже собственного папу. Мол, не хотелось, но надо было. Надо было открыть миру правду, сорвать покровы и предъявить слегка ошарашенной мировой общественности истинных виновников развязывания Второй мировой войны. Даже предателем для этого пришлось стать.

Надо сказать, я не ставлю своей целью давать оценку поступкам английского публициста Владимира Богдано-

вича Резуна, пишущего под псевдонимом Виктор Суворов. Это, в конце концов, не мое дело. В этой книге я просто разберу труды Владимира Богдановича, их доказательную базу и уровень его книг в целом. Стоило ли ради них совершать все те поступки, о которых он так душераздирающе написал в предисловии к «Ледоколу». Начнем с главного, с методов исследования той технологии, которую Владимир Богданович использует для построения доказательств. В. Суворов с первых же страниц своего повествования утверждает, что опирается на открытые советские источники, которые каждый желающий может открыть и проверить справедливость «находок» публициста-новатора. Но многие ли из читателей «Ледокола» и «Дня М» бросились в библиотеку, чтобы сравнить приведенные цитаты с первоисточниками? Боюсь, что таких — единицы. Большинство поверили в честность цитирования и правильное понимание контекста цитаты.

В свое время один мой приятель зашел ко мне, чтобы посмотреть новинки моей библиотеки. Слово за слово, разговор повернул на В. Суворова и его эпохальные труды. Собственно, это было продолжение давнего спора, поэтому, чтобы не толочь воду в ступе, я подошел к полке, на которой стояли произведения Владимира Богдановича, и предложил другу выбрать наугад любую страницу любой из книг В. Суворова, утверждая, что найду на ней искажение фактов цитируемых мемуаров или книг. Он с сомнением полистал «Ледокол» 1992 г. издания и выбрал 202-ю страницу. Долго искать не пришлось: некоторые, мягко говоря, искажения, встретились сразу, в первом же абзаце. Владимир Богданович пишет: *«Полковник С. Ф. Хвалей (в то время заместитель командира 202-й моторизованной дивизии 12-го механизированного корпуса 8-й армии): «В ночь на 18 июня 1941 года наша дивизия ушла на полевые*

учения» (*На Северо-Западном фронте (1941–1943)*. С. 310). Тут же полковник говорит: «так получилось», что подразделения дивизии к началу войны оказались прямо за пограничными заставами, то есть в непосредственной близости от государственной границы». Вроде бы все ясно: дивизию выдвинули прямо к границе. Видимо, в процессе подготовки к нападению на Германию. Читатель получает очередное доказательство теории Владимира Богдановича. Читатель верит Владимиру Богдановичу на слово. Читатель не станет искать указанные мемуары и проверять цитату. А стоило бы. Дело в том, что на 310-й странице указанной книги написано следующее: «Случилось так, что дивизионы артполка в этот день, во время полевых учений, меняя огневые позиции, оказались в боевых порядках мотопехоты. И когда фашистские войска смяли пограничные заставы и части 125-й стрелковой дивизии и широкой лавиной двинулись на нашу дивизию, артиллеристы в упор расстреливали мотоциклистов, жгли танки». И все. 202-я дивизия не стояла за пограничниками. Немцы смяли погранзаставы, части 125-й сд и только потом столкнулись с 202-й дивизией. Более того, полковник ясно указывает рубеж развертывания дивизии: Кельме-Кражай. Читатель, не поленись взять карту и посмотреть, насколько это близко к границе. Стоило ли держать в голове номера дивизий, если не можешь даже правильно процитировать источник? Или, может быть, это не ошибка? Может быть, это сознательное искажение информации? Ведь большинство читателей не станут проверять автора. Большинство читателей просто не имеют для этого возможности. И читатель верит Владимиру Богдановичу на слово. А зря.

На этом игра в страницы не закончилась. Следующей была выбрана страница 232. И снова мы сталкиваемся с искажением фактов: «Итак, под прикрытием Сообщения

ТАСС военные командиры высших рангов во главе армий, и один даже во главе штаба фронта, тайно перебрасываются к германским границам, бросив на произвол судьбы (и НКВД) ВСЕ внутренние военные округа». Хотя по состоянию на 22.06.1941 стрелковые корпуса ОрВО, СибВО и дивизии АрхВО с места не тронулись. Значительная часть дивизий УрВО и ПриВО в вагоны еще не грузилась. В качестве примера Владимиром Богдановичем приводится: «19-я армия — это все войска и штабы Северо-Кавказского военного округа. Командующий округом генерал-лейтенант И. С. Конев объединил все войска своего округа в 19-ю армию, встал во главе этой армии и тайно двинулся на запад, бросив округ без всякого военного контроля» Сам Конев пишет об этом так: «Оставаясь командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, я вступил в командование 19-й армией» (Записки командующего фронтом, М.: Голос, 2000. С. 36). В момент начала войны, 22 июня, Иван Степанович находился в Ростове-на-Дону, в штабе округа. (там же, с. 38–39). И опять читатель не станет проверять Владимира Богдановича.

В газетных статьях количество, скажем так, искажений действительности на единицу печатного текста у В. Суворова возрастает. Например, интервью Владимира Богдановича корреспонденту газеты «Московский комсомолец» М. Дейчу 29 апреля 2000 года. Цитирую: «Сколько у нас было армий к июню 1941 года? Цифры нет. Сколько было механизированных корпусов? Написано: «несколько». Сколько воздушно-десантных корпусов? Непонятно. Нет даже точных сведений о том, сколько было военных округов и кто ими командовал». Все эти цифры на 1 июня 1941 г. приведены в третьем томе 12-томника «История Второй мировой войны» издания 70-х годов, указанном в библиографии «Ледокола». А сведения о командующих

военными округами можно почерпнуть из «Советской Военной Энциклопедии», тоже, как ни странно, входящей в библиографию книг В. Суворова. Видимо, переполнившие мозг Владимира Богдановича номера дивизий и армий смешались в однородную неудобоваримую кашу. Если не читать книги даже из библиографии своих собственных произведений, то, конечно, приходится говорить: *«Я искал. Это был утомительный, нудный поиск»*. Сразу вспоминается басня про мартышку и очки. Дальше нашего Остапа понесло: *«Сталин готовится к наступлению. 63 танковые дивизии — и при этом ни одного саперного батальона!»* Здесь Владимир Богданович, мягко говоря, дал маху. Инженерные части, разумеется, присутствовали в РККА 22.06.1941. Если В. Суворова интересуют именно саперные батальоны, то их было 20 отдельных и по одному в каждой стрелковой дивизии. Скажем, в стрелковой дивизии, в которой служил отец нашего героя, Богдан Васильевич Резун, 140-й стрелковой дивизии 36-го стрелкового корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта был 199 саперный батальон. См. «Перечень №5 стрелковых, горнострелковых, мотострелковых и моторизованных дивизий, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

Возникает законный вопрос: почему же такой, мягко говоря, недобросовестный и слабо владеющий исследуемыми вопросами человек стал популярен? Популярность В. Суворова — это популярность незатейливых голливудских мелодрам и боевиков. Он не пытается вести за собой читателя, объяснять простым языком сложные вещи. Владимир Богданович опускается до уровня простых объяснений сложных явлений. Иногда В. Суворов подражает сказке, на страницах его книг мы встретим и «мечи-кладенцы» на новом техническом уровне, чудо-танки и чудо-самолеты.

Мы встретим кашееву смерть, в роли которой выступят нефтепромыслы Плоешти. Наконец, мы встретим кольцо всевластия, которым являются тысяча бомбардировщиков с пятым двигателем. Владимир Богданович вместо реальных персонажей и событий нашей и мировой истории придумал героев странной смеси народной сказки, бестселлера с привокзального лотка и «Эпизода N» «Звездных войн».

Научные и даже публицистические работы в такой технике не пишутся. Традиционная методология исследования предусматривает рассмотрение всех имеющихся данных. Факты, противоречащие теории должны быть разумительно объяснены и интерпретированы. Претензии к Владимиру Богдановичу — это не указание мелких недочетов большого историка, а критика самой методологии построения доказательств, базирующейся на демагогии и передергивании фактов. Нормально аргументированные, пусть и неприятные официальной историографии, теории воспринимаются в научных кругах гораздо спокойнее. Проблема в том, что по популярности научные работы проигрывают творениям мастеров бестселлеров в мягкой обложке именно в силу своей научности и серьезности. И иначе нельзя. Историческая наука, несмотря на отсутствие специфических символов, как математические \int или Σ , является не менее сложной наукой, требующей вдумчивого и серьезного подхода и определенных профессиональных навыков. В этом я убедился по собственному опыту, потратив несколько лет на изучение законов оперативного искусства, методов исторического исследования, документов и книг о той войне. Предлагаемая вниманию читателей книга — это не только полемика с В. Суворовым, это попытка написать своего рода энциклопедию войны, дать базовые знания о принципах ведения боевых действий и применения оружия и боевой техники.

ГЛАВА 1

Конкурс наступательных планов

«...оперативный план войны против Германии в наших Вооруженных Силах существовал и был отработан не только в Генеральном штабе, но и детализирован командующими войскам»

А. М. Василевский

Одна из главных претензий поклонников В. Суворова к его критикам — недостаточное внимание к общим вопросам. Якобы он может ошибаться в деталях километров в час и миллиметров брони, будучи правым в «главном». Поэтому давайте сразу займемся одним из «основных тезисов» Владимира Богдановича. Он утверждает, что у СССР наличествовал только наступательный план «освободительного похода»: *«На прямой вопрос, были ли планы войны у советского командования, Жуков отвечает категорически: да, были. Тогда возникает вопрос: если планы были, почему Красная Армия действовала стихийной массой без всяких планов? На этот вопрос Жуков ответа не дал. А ответ тут сам собой напрашивается. Если советские штабы работали очень интенсивно, разрабатывая планы войны, но это были не оборонительные и не контрнаступательные планы, то какие тогда? Ответ: чисто наступательные»*. Однако за кадром остался вопрос, у кого они были оборонительные. Все планы войны крупных держав — участников двух мировых войн двадцатого столетия были наступательными. Причем наступательный характер не зависел о того, кто явится инициатором войны. Для военного планирования это было абсолютно безразлично, планы вопрос очередности объявления войны не рассматривали. Оборонитель-

ными были только планы мелких стран, основной линией планирования в этом случае была упорная оборона в надежде на то, что могущественные союзники сокрушат напавших на страну-карлик противников. У читателя сразу возникнут два вопроса: «Почему планы наступательные и почему РККА не помогли планы в 1941 г.?»

Для начала давайте оглянемся назад, как планировали войну и ее начальные операции в 1914 году. Многие тактические и стратегические решения войны последующей проистекают из войны предыдущей. Поэтому без понимания событий 1914 г. трудно разобраться в событиях рокового 1939 г. и трагического 1941 г. Начнем с Антанты, про Германию и план Шлиффена читатели, скорее всего, слышали, и я лишь напомним несколько позже его основные моменты. На мой взгляд, ярче всего суть военного планирования Франции и России отражают слова, записанные в протоколе совещания начальников штабов от 13 июля 1912 года: «Оба начальника Генеральных штабов объявляют с обоюдного согласия, что слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том смысле, что «война будет вестись оборонительно». Они, наоборот, подтверждают абсолютную необходимость для русской и французской армий начать решительное и, поскольку возможно, одновременное наступление...» (Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М., 1922. С. 708). Слова эти повторяются и в протоколе совещания августа 1913 г. и августа 1911 г. в практически неизменном виде.

Итак, Франция вступила в войну с так называемым «планом №17» Жоффра. Он предусматривал наступление германских армий по двум направлениям первое — на восток из района южнее крепости Туль, между лесистыми массивами Вогезов и р. Мозель, второе — на северо-восток

из районов к северу от линии Верден-Мец. План предполагал, что главная масса германских сил будет стремиться во Францию через Люксембург и южную Бельгию. Удар французских войск, соответственно, наносился по левому флангу предполагаемой германской ударной группировки. То есть объяснение наступательной направленности плана вполне очевидно: вместо того, чтобы принимать удар в лоб, наносим свой удар во фланг, вынуждая противника отказаться от наступления под угрозой флангового обхода. Считаю необходимым также сказать несколько слов о французской армии тех лет, очень много интересных параллелей намечается. Основу военной доктрины составлял «элан» (порыв), проще говоря, стратегия и тактика были наступательными. Французский Устав 1913 года начинался с высокопарного заявления: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона кроме закона наступления». Далее следовали заповеди, составленные из говорящих сами за себя тезисов: «наступление без колебаний», «неистовость и упорство», «сломить волю противника», «безжалостное и неустанное преследование». «Только наступление, — возвещал Устав, — приводит к положительным результатам». В том же духе было настроено высшее руководство страны. Президент республики Фальер заявил в 1913 году: «Только наступление соответствует темпераменту французского солдата. Мы полны решимости выступить против противника без колебаний». Желаящие могут смело искать 10 различий с тем, что наблюдалось у нас перед 1941-м, а мы продолжим наше повествование, обратившись к военным планам России образца 1914 года.

Как и предполагалось на совместных совещаниях начальников Генеральных штабов Франции и России, планы русского командования тоже были наступатель-

ными. Позволю себе дать слово документам. По плану, утвержденному Николаем II 1 мая 1914 г., общей задачей был «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы» (История военной стратегии России. М.: Кучково поле, 2000. С. 101 со ссылкой на РГВИА, Ф. 2000, Оп. 1 Д. 459, Л. 7). Предполагалось достигнуть целей войны в течение 1,5–2 месяцев. В 1914 г. тоже все было в порядке с «малой кровью, на чужой территории». Говоря о военных планах России, хотелось бы отметить следующее. Наступательный характер действий русской армии объяснялся не только союзническим долгом. Обязательствами перед Францией определялось направление главного удара Германии, так называемый план «Г». Поскольку Восточная Пруссия была крепким орешком, более целесообразным русское высшее военное руководство считало нанесение основного удара по Австро-Венгрии, так называемый план «А», но пассивная стратегия не предусматривалась ни в каком случае. Окончательный вариант плана, принятый под давлением Жоффра, реализовывал стратегию воздействия на немцев с целью заставить их расплыть силы. Предполагалось, что основной удар Германия нанесет по Франции. Если русские войска будут проводить пассивную, оборонительную стратегию, то немцы могут оставить в Восточной Пруссии минимум сил, сосредоточив максимально сильную группировку против Франции. Затем, разгромив Францию, повернутся всеми силами к России. Напротив, если русская армия начинает наступление против Восточной Пруссии, то немцам придется ослабить группировку войск, действующих против Франции, усилив оборону этой области. Более того, (как это реально и случилось) в случае сильного давления русских войск на колыбель прусского духа придется снимать

наступающие во Франции войска, сажать их в поезд и везти на Восток. Эти закономерности, относящиеся к разным театрам военных действий, применимы и для большого по своей протяженности фронта двух воюющих армий. Если мы наступаем на одном участке фронта, то целесообразно проводить активные, наступательные действия и на другом с целью не допустить рокировки противником резервов на выручку своим войскам.

Теперь на очереди планы стран Оси, начнем с Австро-Венгрии. Концептуально, разумеется, ничего нового: план войны наступательный. Но позволю себе процитировать слово в слово написанное по поводу мотивировки наступательных планов Австро-Венгрии генералом русской армии Андреем Медардовичем Зайончковским, учившим будущих красных командиров тяжелому опыту Первой мировой войны. Итак: «Конрад в своих мемуарах пишет, что его руководящей идеей операций против России было наступление, невзирая на риск, так как оборона при первых же столкновениях повлекла бы катастрофу для австро-венгерской армии. 40 дивизий, собранных в Галиции (эшелоны «А» и «С»), не могли оставаться пассивными в то время, когда численно превосходные русские силы теснили бы союзников в Восточной Пруссии и Румынии, а затем после легкой победы над ними обрушились бы всеми силами на Австро-Венгрию. Перейдя Верхнюю Вислу близ впадения в нее р. Сана и сковав австро-венгерские армии в Галиции, русские открыли бы свободный путь на Берлин или Вену. «Прежде всего возможно крупными силами дать генеральное сражение русским войскам, сосредоточенным между р. Вислой и Бугом, при содействии с севера удара на Седлец большею частью собранных в Восточной Пруссии германских сил, — такова была ближайшая цель моего плана», — пишет Конрад (Feltmarschall Conrad, Aus meiner

Dienstzeit, IV, 1923. С. 286)» (Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР. 1938, С. 67–68). Известный советский военный теоретик А. Свечин рисует обстановку даже более прозаически: «Австрийский генеральный штаб с Конрадом во главе рассуждал перед мировой войной так: Россия может выставить против нас на 20-й день мобилизации 35 дивизий, на 30-й день — 60 дивизий; Австрия может на 20-й день располагать четырьмя десятками дивизий. Значит, австрийцы должны наступать: при обороне австрийцы будут раздавлены, при наступлении они могут рассчитывать даже на некоторый численный перевес» (Свечин А. Постигание военного искусства. М.: Русский путь, 2000. С. 370). Побудительные мотивы Австро-Венгерского штаба вполне очевидны. Если начать наступать, то есть шанс перемолоть некоторое количество русских дивизий, пользуясь первоначальным превосходством. Прибывающие по мобилизации русские дивизии уже не будут иметь такого подавляющего преимущества, из 60 дивизий на 30-й день мобилизации будет вычтено некоторое количество перебитых австрийцами при ударе 40 австрийских против 35 русских. Мы видим практически одинаковые побудительные мотивы, по сути вынуждавшие руководителей Генеральных штабов разных стран рисовать на картах стрелочки, направленные на территорию сопредельных государств, с которыми может случиться война. Альтернативы этому нет, или мы отдаем противнику инициативу и он наваливается превосходящими силами на нашего союзника или на выгодный ему участок общего фронта, достигает там успеха, а потом всеми силами обрушивается на нас или другой участок фронта. Армия, выбравшая пассивную стратегию, будет просто разгромлена по частям. Напротив, если планы наступа-

тельные, стратегия активная, то противник не будет спокоен за оборону на тех участках фронта, где он не планирует активных действий. Вместо максимальной концентрации всех возможных сил на направлении главного удара противник будет вынужден ослаблять ударную группировку за счет войск, усиливающих оборону пассивного участка, которому грозит наш удар. Исходя из этих общестратегических соображений в штабах армий, готовящихся к очередной войне, разрабатываются наступательные планы. Последний из рассматриваемых нами планов — это план Германии, базирующийся на идеях Шлиффена. В нашу задачу не входит детальное описание этого плана, отмечу только один важный аспект. Несмотря на общую наступательную направленность, план предусматривал оборонительные действия в Восточной Пруссии с опорой на развитую железнодорожную сеть и легендарные укрепления этой области, ставшие крепким орешком для русской армии в двух мировых войнах. Это важная особенность наступательных планов, о которой ни в коем случае нельзя забывать. Фронт соприкосновения армий большой, и нельзя всюду наступать, неизбежно будут участки, где придется строить оборону. В случае с планом Шлиффена такими участками должны были стать Восточная Пруссия и левый фланг германской армии, опиравшийся на крепость Мец. Какой из этого можно сделать общий вывод? Планирование наступательной операции не исключает возможности построения на определенных участках фронта оборонительных сооружений и занятия прочной обороны, задача которой — сковать возможно больше противника, пока наши ударные крылья делают свое дело.

Чисто оборонительные планы — это удел государств-карликов, чья задача — или продержаться до тех пор, пока могущественный союзник не задавит их противника, или

дорого продать свою жизнь. Примером подобной стратегии могут служить действия Сербии, Бельгии в Первой мировой войне.

Итак, мы постепенно переходим к событиям Второй мировой войны. «Может быть, что-то изменилось?» — спросит читатель. Нет, указанные выше базовые принципы стратегии никуда не делись.

Польский план войны с Германией базировался на тех же самых представлениях о роли и месте обороны в войне, которые заставляли писать наступательные планы 20 годами ранее. Главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы, несмотря на очевидный факт, что Германия сильнее Польши и, возможно, нанесет основной удар не по союзнику Польши Франции, а по самой Польше, заложил в план не только оборонительный элемент, удержание всей территории Польши, но и наступательный элемент, удар по немецкой группировке в Восточной Пруссии. На границе с Восточной Пруссией одна небольшая группировка польской армии (две дивизии, две кавбригады) развертывалась в районе Сувалки, другая, более крупная (армия «Модлин» в составе четырех дивизий и двух кавбригад) — вдоль южной окраины Восточной Пруссии и третья (армия «Поммерлен» — шесть дивизий) — в Польском коридоре. Такое распределение сил указывает на замысел предпринять наступление по сходящимся направлениям против немецких войск в Восточной Пруссии. В некотором смысле польская армия воспроизводила ситуацию 1914 года, когда удар по Восточной Пруссии должен был отвлечь немецкие силы от главного направления польской Западной границы. Реализуемость этого плана оставим за кадром, нас интересует только его характер. Замечу, что изложенные мной факты не являются тайной, все вышеизложенное можно прочи-

тать в открытых источниках. Небольшая цитата: «В основу польского стратегического развертывания в сентябре 1939 года был положен наступательный план, ставивший своей задачей захват Данцига и Восточной Пруссии» (Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. М.: Воениздат, 1940. С. 33–34). Георгий Самойлович анализирует группировку польских войск и делает вывод: «Таким образом, вся польская армия, не считая прикрытия на восточной границе и резерва внутри страны, составила 6–7 отдельных групп и была своей основной частью обращена фронтом на север, против Данцига и Восточной Пруссии. Сильная Познанская группа войск составила как бы стратегический резерв и в мечтах кое-кого из стратегических фантазеров, видимо, должна была победоносно войти в Берлин, от которого ее отделяло расстояние всего в 150 км» (там же, с. 35). Причины поражения Польши скорее не в плане, а в развертывании и мобилизации, но эту тему мы обсудим несколько позже. А пока обратимся к военному планированию Франции и Англии.

31 мая 1939 года французский Генеральный штаб начал разработку плана наступления на фронте между Мозелем и Рейном, который должен был стать основой военных действий против Германии. Этот план был предложен 1 сентября 1939 года генералом Гамеленом правительству. Главный удар по этому плану предполагалось наносить вдоль Рейна на Майнц, отрезая основную германскую группировку с тыла. Однако это предложение не было реализовано. Была лишь предпринята ограниченная операция в районе Саарбрюккена с целью установить контакт с линией Зигфрида. Заняв Варндский лес к западу от города и продвинувшись на 7–8 км между Шпихерном и Хорнбахом, французские войска получили 12 сентября приказ прекратить наступление «ввиду быстрого разви-

тия событий в Польше». Далее началась война, получившая название Sitzkrieg, «сидячая война», известная также как «странная война». Предоставим слово Лиддел Гарту: ««Странная война» — понятие, пушенное в ход американской печатью. Вскоре оно прижилось по обе стороны Атлантики и прочно закрепилось как название периода войны от падения Польши в сентябре 1939 года до начала наступления немецких войск на Западе весной следующего года. Те, кто пустил в ход это понятие, имели в виду, что войны как таковой не было, поскольку между франко-английскими и немецкими войсками не происходило никаких больших сражений. На самом же деле это был период активной закулисной деятельности сторон. [...] В течение осени и зимы, вместо того чтобы сосредоточить внимание на подготовке эффективной обороны от вероятного наступления гитлеровских войск, союзные правительства и верховное командование детально обсуждали наступательные планы против Германии и ее флангов, хотя в действительности они не имели возможности осуществить эти планы своими силами и средствами. После падения Франции немцы захватили документы французского верховного командования и частично опубликовали их. Это был сенсационный материал. Документы свидетельствовали, что в течение зимы союзное командование обдумывало планы самых различных наступательных операций: план удара по Германии через Норвегию, Швецию и Финляндию; план удара по Рурскому бассейну через Бельгию; план удара по Германии через Грецию и Балканы; план удара по нефтеносным районам на Кавказе с целью отрезать Германию от источников снабжения нефтью. Это был конгломерат напрасных воображений союзных лидеров, которые пребывали в мире иллюзий до тех пор, пока их не привело в чувство наступление Гит-

лера» (Лиддел Гарт Б. Г. Вторая мировая война. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 56).

Тенденция разработки наступательных планов войны затрагивала даже небольшие государства, не обладающие весомой военной силой. Вы будете смеяться, но у Финляндии в 30-е годы тоже был наступательный план, предусматривалось наступление вглубь территории СССР. По этим планам линия Маннергейма отражала удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. Когда война уже была на пороге, благоразумие взяло верх и 5, 9 октября 1939 г. войскам дали указание готовиться к обороне, но с оговоркой, что при необходимости нужно будет провести наступательную операцию в районе Реболы, отодвигая границу от самой узкой части Финляндии. Причем написанное мной не является тайной, про это написано в официальной «Истории зимней войны» (Talvisodan historia. Osa. 1. S. 98, 104).

Как мы видим, со времени Первой мировой ничего принципиально не изменилось: как «плохие парни» в лице Германии, так и «хорошие парни» в лице Польши, Франции, Англии и даже Финляндии имели наступательные военные планы. Почему в этом ряду СССР должен был быть исключением? Советский Союз не был карликовым государством, которое могло рассчитывать только на то, чтобы дорого продать свою жизнь или дожидаться, когда большие добрые дяди накостылят обидчику. Соответственно, и военное планирование носило наступательный характер, по крайней мере с 1938 года. Будем рассматривать имеющиеся документы в хронологическом порядке. Итак, что же планировали в 1938 году? Тогда предполагался конфликт с Польшей в союзе с Германией. Описание планируемых боевых действий выглядит так (сохранены орфография и стиль оригинала): «При определении на-

правления нашего главного удара к северу от Полесья нужно учесть, что главные силы германской армии мы встретим, по всей вероятности, в районе Свенцяны — Молодечно — Гродно. Если будет немцами нарушен нейтралитет Латвии, то возможно, что часть германских сил поведет наступление к северу от Двины. Барановичское направление будет занято поляками.

Наступление наше к северу от Двины, при условии участия в конфликте Латвии, или от Полоцка на запад и юго-запад ведет к длительному обходному движению по местности, слабо оборудованной железными дорогами.

Наша атака Барановичей и наступление главными силами в этом направлении поведет к затяжным боям.

Таким образом, наиболее выгодным направлением главного удара будет проведение его по обоим берегам р. Немана с задачей разгрома сосредоточивающихся здесь германо-польских сил с выходом наших главных сил в район Вильно, Гродно, Волковыск. Новогрудок. Молодечно.

Прорыв фронта противника позволит нам или развить операцию ударом по германской группировке на территории Литвы, или же нанести удар по Барановичской группировке поляков. Фланги ударных армий будут прикрыты — одной армией, наступающей от Полоцка, и другой армией, ведущей наступление от Слуцка и Барановичей, а также резервами как фронта, так и Главного командования» (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 563–564).

Характер действий войск Красной армии южнее Полесья предполагался несколько менее агрессивным: «...Активная оборона с атакой противника в Ровно-Кременецком районе и выходом в район Ровно — Дубно —

Броды с дальнейшим наступлением в общем направлении на Люблин» (там же, с. 564).

По просьбам трудящихся привожу малозначительный раздел плана, касающийся действий против Румынии, против яйца Кашея по Суворову: «На румынской границе оставляется заслон в 3 стрелковых дивизии, опирающийся на укрепленные районы; в резерве фронта за ними располагаются 2 кавалерийские дивизии из СКВО» (там же).

После того как один из потенциальных противников плана 1938 года был устранен, в Генеральном штабе началась разработка нового оперативного плана. Приведу некоторые цитаты из варианта этого плана, датированного 18 сентября 1940 года. В части, касающейся Северо-Западного фронта. Основные задачи его были оборонительные, прикрытие побережья Балтийского моря от высадки морских десантов противника, прочно прикрывать Минское и Рижско-Псковское направление. Но была наступательная компонента: «3. С целью сокращения фронта 11-й армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления в период сосредоточения войск во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки.

4. По сосредоточении войск ударом в общем направлении на Инстербург, Аленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии» (1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 242).

Задачи Западного фронта предусматривали несколько большую активность: «Западный фронт — основная задача — прочно прикрывая Минское направление, по сосредоточении войск одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Аленштейн

сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород способствовать Юго-Западному фронту разбить Люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера» (1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 242).

Ну и наиболее масштабными были задачи Юго-Западного фронта: «Юго-Западный фронт — основная задача — прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточении войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в направлениях на Кельце — Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце — Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение о. Одер» (1941 год. В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 243).

Это так называемый «южный» вариант развертывания советских войск, предусматривающий сосредоточение большей части войск севернее Брест-Литовска. Был еще и «северный» вариант развертывания, по которому основной задачей советских войск была Восточная Пруссия. Этот вариант считался менее предпочтительным. Замечу, что фактически советский Генштаб стоял перед тем же выбором, что и русский перед Первой мировой войной, выбором между ударом по Восточной Пруссии и наступлением южнее Припятских болот. В 10-е годы под давлением Франции, требовавшей обеспечить прессинг на немцев во спасение Парижа, выбрали удар по Восточной Пруссии. В 1940-м никакого давления извне создатели плана не ис-

пытавали, и был сделан выбор в пользу «южного» варианта развертывания. По сути своей план войны, с которым русская армия вступила в войну в 1914-м, и план, с которым Красная армия встретила немцев у границ, были одинаковыми, оба носили наступательный характер. И это, как мы теперь знаем, не было чем-то исключительным. Наилучший способ защиты своей страны — это разгром армии противника решительными ударами — вполне очевидный тезис, лежавший в основе военного планирования многих стран.

Более известные широкой публике «Соображения...» от 15 мая 1941-го ведут свою генеалогию как раз от планов 1940-го. Удар советских войск по правке в документе от 15 мая приобрел более яркую форму «канн», удара по сходящимся направлениям силами Западного и Юго-Западного фронтов. Задачей Западного фронта было «упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления; с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец, Радом разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом» (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 218). Планируемая операция советских войск приобрела более изящный вид, «канны» ударов из львовского и белостокского выступа и рассекающий удар 5-й армии в центре. Ну и, разумеется, как логическое продолжение предыдущих планов никаких бросков за иголкой в яйцо, которое в утке (далее по тексту народных сказок), в Румынию: «Прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и **быть готовым** к нанесению концентрических

ударов против Румынии. Из районов Черновицы и Кишинев с ближайшей целью разгромить сев. крыло Румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы» (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 218, выделено мной). Суворов с направлениями ударов и общей идеей советского военного планирования попал пальцем в небо: *«На просторы Румынии ворвалась самая мощная из советских армий — 9-я, [...] 12-я и 18-я, наносят удары вдоль горных хребтов, отрезая Германию от источников нефти»* («Ледокол», глава «Война, которой не было»).

Вышеизложенные планы — это планы первых операций. Но для осуществления этих планов нужно выстроить войска у границы. В мирное время войска находятся в пунктах постоянной дислокации, совершенно необязательно находящиеся близко к возможному театру военных действий. Для осуществления запланированной операции. Соответственно, план действий на случай войны предусматривает не только описание направлений ударов, выделенных для нанесения ударов войска, но и описание процесса развертывания (выше я несколько раз уже употреблял этот термин). Развертывание предусматривает погрузку войска, назначенных для операции, в вагоны и отправку по железной дороге на ТВД, где ожидаются военные действия. В процитированных мной отрывках документов присутствуют элементы планирования такого рода. Например: «На румынской границе оставляется заслон в 3 стрелковых дивизии, опирающийся на укрепленные районы; в резерве фронта за ними располагаются 2 кавалерийские дивизии из СКВО». СКВО — это Северо-Кавказский военный округ. Войны не происходят с бухты-барахты, всегда есть период политической напряженности, кроме того, по воззрениям

Первой мировой и 30-х годов между объявлением войны в той или иной форме и началом активных боевых действий присутствует период развертывания, когда обе воюющие стороны проводят мобилизацию, грузят войска в вагоны и отправляют к границе. Напомню, что между датой официального начала Первой мировой войны 1 августа 1914 года и началом широкомасштабных боевых действий 17 августа 1914-го был более чем двухнедельный период, когда боевые действия велись мизерными по сравнению с мобилизуемыми армиями силами, период, когда противники только готовились вступить в схватку. После того как мобилизованные и кадровые части приедут к границе, штабы начинают запланированные наступательные операции. В период между началом войны и активными боевыми действиями на границе находятся так называемые армии прикрытия. Это не советское изобретение, то, что Владимир Богданович не в курсе дискуссий мировой военной мысли 1930-х годов об «армиях прикрытия» и «армиях вторжения», — это исключительно его проблемы. Европейская военная мысль после Первой мировой войны не стояла на месте, и в разных странах активно велись дискуссии о новинках технического прогресса, их возможном применении в начальном периоде войны, эволюции самого начального периода. Предполагалось, что, в отличие от первых дней Первой мировой войны, в будущей войне каждый из противников будет не просто прикрывать границу от вылазок противника, но и пытаться сорвать стратегическое развертывание, доставку войск к границе для проведения операций начального периода войны. Первоначально считалось, что задачи по срыву развертывания возьмет на себя авиация. Потом пошли дальше и предположили, что в период мобилизации и развертывания армии прикрытия могут по-

пробовать вести активные боевые действия силами мотомеханизированных соединений, фактически превращаясь из «армий прикрытия» в «армии вторжения». Подчеркну еще раз, что это не советское изобретение, Суворов слышал звон, но не знает, где он. Параллельно прорабатывались возможности проведения скрытого развертывания и мобилизации, не в момент объявления войны, а в период политической напряженности. В 1939 году, еще до начала войны, был издан фундаментальный труд профессора Меликова «Стратегическое развертывание», где он подробно рассказывает об «армиях вторжения», обильно цитируя... иностранных военных мыслителей. Да что говорить, Шарль де Голль в своей книге «За профессиональную армию» указывает на возможность ее применения в качестве армии вторжения. Он прямо указывает на преимущества применения механизированных сил в начальный период войны: «Профессиональная армия приступит к выполнению возлагаемой на нее роли прежде всего в течение той фазы конфликта, когда противники объединяют средства для своих активных выступлений и формируют силы для первых столкновений. То начальное преимущество, которым она в силу своей организации будет обладать, позволит ей захватить в свои руки инициативу как залог победы в первые же дни конфликта» (Голль Шарль де. Профессиональная армия. Госвоениздат, 1935. С. 56).

Кое-что из военной теории было доведено до практической реализации. В 1933 году в Польше была проведена военная игра, в ходе которой отрабатывалось вторжение на территорию СССР с целью срыва мобилизации РККА и прикрытия мобилизации и развертывания собственных вооруженных сил. В 1934–1936 годах на учениях в Польше, Германии, Италии, Франции отрабатывались действия

армий вторжения. Изучались возможности рейдов мотомеханизированных соединений и конницы с целью срыва развертывания противника. СССР не остался в стороне этих тенденций, и Генеральный штаб в 1934 году разработал проект «Наставления по операции вторжения». Теорию отработывали на практике во время полевой поездки в мае 1935 года в войска Белорусского и Приволжского военных округов.

Чтобы не быть голословным, приведу слова одного из советских военных теоретиков, достаточно ясно обрисовывающего суть вопроса: «По этой схеме основная масса авиации, объединенная в руках главного и фронтового командования, наносит глубокие и мощные удары, высаживает авиадесанты, срывает мобилизацию и сосредоточение и потрясает тыл страны.

Конница и мотомехсоединения вторгаются на предельную глубину, дезорганизуют развертывание армии, заставляют относить его в тыл страны, производя его в неблагоприятных условиях, захватывают важные рубежи и районы, громят склады и центры управления, совместно с высаженными десантами создают крайне напряженную обстановку в тылу противника.

За этим первым эшелоном, который вторгается на территорию противника, развертывается сухопутная армия, но не по государственной границе, а на захваченных рубежах, и, поскольку армия и страна противника уже деморализованы, она своим быстрым наступлением довершает его разгром.

В таком аспекте, в своем развернутом виде это схема завтрашнего дня, хотя по своим основным тенденциям она в значительной степени годится и на сегодня при условии реального учета соотношения сил и возможностей обеих сторон.

Современные оперативные доктрины наших возможных противников в той или иной степени отражают различные элементы из двух изложенных точек зрения в зависимости от их политико-экономического и военного положения».

Довольно подробное освещение дает французская военная литература, где этот вопрос находит следующее разрешение. Во введении к французскому Временному наставлению по тактическому применению крупных соединений (дополнение 1930 г.) говорится:

«Современное военное положение в Европе позволяет предвидеть, что в начале войны наличные силы будут состоять из немногочисленных армий, предназначенных для обеспечения всеобщей мобилизации у себя или для затруднения таковой у противника. Эти армии будут призваны маневрировать на свободных пространствах».

По взглядам ряда французских авторов вырисовывается следующая возможная схема операций начального периода на франко-германском театре:

а) Быстрое вторжение на территорию противника армии прикрытия, предшествуемой и поддерживаемой воздушными дивизиями. Использование авиации мыслится не только для бомбардировочных действий, но и для «перепрыгивания через фронт» (генерал Шаллеа) путем производства тактических и оперативных десантов.

б) Это вторжение имеет задачей: воспрепятствовать мобилизации в пограничной полосе, затруднить мобилизацию во всей стране противника и препятствовать сосредоточению его армии.

Далее — занять рубеж, удобный как для развития последующего наступления вглубь неприятельской страны, так и для обеспечения своей территории, и удерживать этот рубеж до сосредоточения главных сил мобилизуемой

массовой армии» (Шиловский Е. А. «Начальный период войны», «Война и революция» сентябрь — октябрь 1933 г. цитируется по: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. М.: Воениздат, 1965. С. 502—503).

Но практического применения теория «армий вторжения» в СССР не получила. В начальный период войны предполагалось вести авиационное наступление и сдерживать возможные попытки противника сорвать «армиями вторжения» мобилизацию и развертывание. Владимир Богданович утверждает: *«Вторая главная идея моей книги в том, что в День «М», в момент перехода от тайной к открытой мобилизации, кадровые дивизии Красной Армии совсем не намеревались стоять барьером на наших границах. Прикрытие мобилизации (точнее, открытой, завершающей ее части) планировалось не стоянием на границах, а внезапными сокрушительными ударами»*. Далее приводятся цитаты из советских военных теоретиков 30-х. Как я уже показал выше, с теоретиками было все в порядке и в других странах. Хуже было с практиками «армий вторжения», оставшимися на бумаге.

Теоретики могли утверждать все что угодно, но подтверждением принятия их идей высшим военным руководством страны являются планы. И тезис В. Суворова опровергается опубликованными на данный момент документами. В «Соображениях...» 1940 и 1941 годов и в разработанных на их основе окружных планах оперативного развертывания в явном виде указывается характер действий РККА в начальный период войны. Операций в силе «армии вторжения» в советских планах попросту нет.

«VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания.

Для того чтобы обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение

и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

1. Организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе;

2. Разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО».

То же самое, прикрытие границы на период сосредоточения и развертывания, действия авиации по срыву развертывания противника, мы увидим в более поздних документах. В «Военно-историческом журнале» в 1996 г. были опубликованы планы прикрытия округов, разработанные по майским директивам наркома обороны. Задачи войск КОВО по этим планам принципиально не изменились по сравнению с запиской Пуркаева, поэтому для разнообразия процитируем документ, составленный командованием Западного Особого военного округа: «1. **С целью прикрытия отмотилизования, сосредоточения и развертывания войск округа** вся территория разбивается на четыре армейских района прикрытия (РП) государственной границы, а именно:

- а) район прикрытия №1 — Гродненский, 3-й армии;
- б) район прикрытия №2 — Белостокский, 10-й армии;
- в) район прикрытия №3 — Бельский, 13-й армии;
- г) район прикрытия №4 — Брестский, 4-й армии.

2. Общие задачи войск округа по обороне госграницы:

а) упорной обороной полевых укреплений по госгранице и укрепленных районов:

не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа;

прочно прикрыть отмотилизование, сосредоточение и развертывание войск округа;

б) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск;

в) всеми видами и средствами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

г) активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

д) не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника». (ВИЖ. 1996. № 3. С. 7).

Здесь тоже все вполне очевидно: пассивные действия сухопутных сил на период расстановки фигур на шахматной доске и попытки сорвать сосредоточение и развертывание противника ударами авиации. Удручает в публикации «Военно-исторического журнала» другое. Планы прикрытия представляются как аргумент в пользу теории В. Суворова в целом. Предваряется текст документов широкозаявленным заявлением о том, что оперативные планы округов были чисто оборонительными. «Главной мысли» об «освободительном походе» эти планы никак не противоречат. Они противоречат утверждениям Владимира Богдановича о том, что собирались прикрывать сосредоточение и развертывание вторжением на территорию противника. Вообще, заочные поединки В. Суворова и его официальных оппонентов зачастую напоминают петушиные бои в исполнении пенсионеров. Обе стороны задорно размахивают клюками, не представляя себе, как жалко это выглядит со стороны. Обе стороны демонстрируют удручающее непонимание теорий и тех-

нологии войны 30—40-х годов. Период сосредоточения и развертывания — это, по сути, период расстановки фигур на шахматной доске. Судить по процессу расстановки фигур, что один из шахматистов применит стариндийскую защиту, попросту глупо. После прикрытия границ на период мобилизации могло последовать все что угодно: и пассивное стояние вдоль границы в ожидании удара, и наступление с далеко идущими целями. В реальности, как мы знаем по опубликованным документам, должна была последовать наступательная операция. Вполне заурядный порядок действий с точки зрения двух мировых войн. Последовательность действий СССР, военное планирование РККА не носили характер чего-то агрессивного или из ряда вон выходящего. Вполне заурядные и общепринятые мероприятия, сами по себе не свидетельствующие ровным счетом ни о чем. Ни об агрессивности, ни о «белости и пушистости».

Теперь вернемся к началу главы и попробуем понять, почему действия войск летом 1941 года представляют собой сплошную импровизацию. Для того чтобы начать крупномасштабные боевые действия с наступательных планов первых операций, противники должны были оказаться в одинаковых условиях несколькими неделями ранее. В 1914 году присутствовал период политической напряженности, обмена ультиматумами и грозными нотами. При этом противники в этот период выступили в равных условиях, до начала мобилизации и развертывания войск. Когда война была формально объявлена, до начала первых операций существовал период, в течение которого участники мобилизовали армии и везли войска к границе. У СССР в 1941 году такой возможности не было ввиду отсутствия периода обмена нотами и ультиматумами. Вермахт к началу конфликта был полностью мобилизован,

и выдвинут к границе с СССР в том составе, в котором должен был вести первую операцию. РККА не была отобилизована ввиду позднего осознания опасности войны. Войска, которые должны были участвовать в указанных выше наступлениях, к границе подвезены не были. Соответственно, план мог быть хоть оборонительным, хоть наступательным. Группировка для его осуществления просто отсутствовала. Называется такое положение «упреждение в развертывании».

ГЛАВА 2

О чем говорило выдвижение к границам?

«Вечером 15 июля штаб 14-й кавалерийской дивизии прибыл в Ченстохов. Город не чувствовал, что над ним сгущаются тучи»

Б.М. Шапошников «Воспоминания»

Для начала — слово Владимиру Богдановичу: *«Коммунисты объясняют создание и выдвижение Второго стратегического эшелона Красной Армии в западные районы страны тем, что вот-де Черчилль предупредил, Зорге предупредил, еще кто-то предупредил, одним словом, выдвижение Второго стратегического эшелона — это реакция Сталина на действия Гитлера.*

Но это объяснение не выдерживает критики. Генерал армии И. В. Тюленев в самый первый момент вторжения германских войск разговаривает в Кремле с Жуковым. Вот слова Жукова: «Доложили Сталину, но он по-прежнему не верит, считает это провокацией немецких генералов» (Через три войны. С. 141). Таких свидетельств я могу привести тысячу, но и до меня много раз доказано, что Сталин в возможность германского нападения не верил до самого последнего момента, даже после вторжения и то не верил. У коммунистических историков получается нестыковка: Сталин проводит самую мощную перегруппировку войск в истории человечества, для того чтобы предотвратить германскую агрессию, в возможность которой он не верит!»

Думаю, что читатель согласится, что версия «Сталин не верил» является одним из самых малоубедительных моментов в советской и постсоветской историографии.

Обратимся к реальным фактам и документам. В научный оборот уже довольно давно был введен такой важный документ, как «Директива наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова, командующего приграничными округами, о приведении в боевую готовность войск в связи с возможным нападением фашистской Германии на СССР»: «1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий» (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 423). Документ был подготовлен с ведома и по приказу И. В. Сталина вечером 21 июня.

На фоне документального свидетельства, слов «возможно внезапное нападение» в Директиве, слова косвенных свидетелей «Сталин в возможность германского нападения не верил до самого последнего момента, даже после вторжения и то не верил» выглядят совершенно неубедительно. Не надо считать главу Советского государства умственно отсталым. Он мог до определенного момента не верить в то, что Германия осуществит нападение на СССР без попыток политического давления. Война есть продолжение политики. Того, чего не удастся добиться мирным путем, добиваются военным. И тому есть многочисленные прецеденты. Перед вторжением в Польшу был долгий период жесткой политической конфронтации. Еще в 24 октября 1938 года на встрече Риббентропа и посла Польши в Германии Юзефа Липского Польше было предложено вернуть Данциг, разрешить постройку автобана по территории «польского коридора», присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Война разразилась спустя почти год, после долгих попыток урегулировать вопрос мирным путем. Конференций и других попыток

урегулировать спорные вопросы политическим путем было несколько, начиная с марта 1939 года. События августа 1939-го были финальным актом дипломатической драмы. Перед вторжением СССР в Финляндию в 1939 году финнам сначала было предложено политическое решение конфликта: обмен территориями. Поэтому в нетипичное поведение Гитлера, который нападет без предъявления каких-то ультиматумов или требований, одним словом, без общепринятой в подобных случаях процедуры, не верили. Но, когда факты стали неопровержимо доказывать, что будет именно так, были приняты меры по повышению боеготовности войск, а в последний момент издали директиву войскам быть готовыми к нападению, на всякий случай оставив лазейку для возможного политического урегулирования конфликта.

Для понимания того, можно ли факт создания ВСЭ использовать в качестве доказательства существования плана «Освободительного похода», сравним события в СССР с событиями, происходившими в других армиях, как в 1914-м, так и в 1939–1940 годах. Если СССР готовил нападение, то проводимые в предвоенный период мероприятия должны отличаться от тех, которые проводились при вступлении в войну на общих основаниях, вследствие вторжения противника, выполняя союзнический долг или после официального объявления войны. И если мы посмотрим на пример других стран, то сделаем маленькое открытие. Перед Первой мировой войной в России тоже существовал «Второй стратегический эшелон». Это тоже были войска, которые везли из мест постоянной дислокации в районы предполагаемых боевых действий. Были и войска, выдвигавшиеся вплотную к границе. Соответственно, факт проведения подобных перемещений не является признаком агрессивности, как это утверждает

Суворов, мероприятия по выдвижению войск внутренних округов были жизненно необходимы для ведения боевых действий вне зависимости от их характера — оборона или наступление.

Посмотрим, различаются ли описания событий предвоенного периода участников Первой мировой войны и мемуаристов Великой Отечественной, цитаты из мемуаров которых так любит выдергивать Владимир Богданович. Типичная цитата из «Ледокола» на эту тему: *«Генерал-полковник И. И. Людников (в то время полковник, командир 200-й стрелковой дивизии 31-го стрелкового корпуса) был одним из тех, кто этот приказ (о выдвижении к границе. — Я) выполнял. «В директиве округа, поступившей в штаб дивизии 16 июня 1941 года, предписывалось выступить в поход... в полном составе... сосредоточиться в лесах в 10–15 км северо-восточнее пограничного города Ковеля. Движение предлагалось совершать скрытно, только ночью, по лесистой местности» (Сквозь грозы. С. 24)»*. А теперь послушаем будущего начальника Генерального штаба Красной Армии Бориса Михайловича Шапошникова о том, как дивизия, в которой он служил, выдвигалась к границе перед Первой мировой войной: «Наступило 13 июля. С утра все предвещало хорошую погоду. Скачки должны были начаться в 4 часа дня. За полчаса до начала от начальника дивизии я получил приглашение ехать на скачки вместе с ним. Но у меня на столе лежала только что доставленная из штаба 14-го корпуса телеграмма. Ее нужно было расшифровать. Поэтому я велел передать начальнику дивизии, что приеду позже, и сел за расшифровку телеграммы. [...] Телеграмма из штаба корпуса была короткой, и через 20 минут передо мной лежал ее текст. Экипаж стоял у ворот моей избы, и я, проверив еще раз правильность расшифрованного текста, отправился на скаковое поле, приказав ехать ры-

сью, чтобы скорее попасть туда. Телеграмма действительно оказалась короткой по числу слов, но содержание ее было чрезвычайно важно: она гласила, что по высочайшему повелению 13 июля объявляется первым днем подготовительного к войне периода. Войскам приказывалось немедленно следовать на свои зимние квартиры» (Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. С. 241–243). 13 июля по старому стилю, до начала войны еще неделя. Но кавалерийская дивизия русской армии получает приказ на выдвижение к границе, аналогичный тому, который получила 200 сд Людникова. Предлог был, надо сказать, оригинальный — перемещение на «зимние квартиры» (посередине июля). Вариант «учебные сборы» выглядит более убедительным. В Суворов показывает события в одной армии в одной войне, даже не пытаясь привести пример эталонной «невинной овечки». Поскольку его просто нет. События, происходившие в СССР перед 22 июня 1941 года, были явлением типичным, в той или иной форме происходившим во всех странах и затрагивавшим все армии. Каков механизм этого явления? В мирное время войска располагаются в местах постоянной дислокации, разбросанных по всей стране. Во время развертывания и сосредоточения они прибывают к границе с государством, с которым предполагается воевать. В 1914 году началась война на Западе, и со всей страны начали собираться корпуса в армии вдоль границы с Германией и Австро-Венгрией. Рассмотрим происхождение 8-й армии генерала А. А. Брусилова, о которой мы уже говорили в главе о военном планировании. 8-я армия к началу наступления состояла из 12-го, 8-го, 7-го, 24-го армейских корпусов. 12-й корпус был сосредоточен между Проскуровым и Уманью, практически там же, где начал воевать. 8-й корпус прибыл из

района Кишинева — Одессы. 7-й корпус начал прибывать на 6-й день мобилизации из района Екатеринослава (ныне Днепропетровска) и Крыма. А вот 24-й армейский корпус прибыл аж из Самары, он начал прибывать с 17-го дня мобилизации. Владимир Богданович поет нам песни про войска из Московского военного округа, рассчитывая на то, что читатель не знает, что в 1914-м из Москвы в 4-ю армию Юго-Западного фронта прибыл гренадерский корпус. 5-й корпус, в мирное время размазанный по пространству от Воронежа до Нижнего Новгорода, в августе 1914-го двигается к границам и входит в состав 5-й армии Юго-Западного фронта. И вообще вся 5-я армия Юго-Западного фронта в 1914-м формируется в Московском округе. В ее состав помимо гренадерского корпуса входят 17-й корпус из Рязанской, 25-й из Ярославской губернии. Были и Сибирские корпуса, прибывшие на фронт в конце августа.

Разница между Первой и Второй мировой войнами была в том, что военная наука в разделявшие их два десятилетия не стояла на месте и период развертывания и сосредоточения был смещен в мирное время. Начало развертывания определялось либо на основании данных разведки, вскрывавших тайные перемещения войск противника к нашим границам, либо вследствие реакции на возникающую политическую напряженность, либо вследствие назначенной политическим руководством агрессии. Но само по себе выдвижение войск было столь же естественным компонентом подготовки к возможной войне, как и чистка зубов для нас с вами. Если в июле 1914-го тайные мероприятия не носили массового характера, только в августе 1914-го, после формального начала войны, железные дороги оказались забиты составами, везущими дивизии и корпуса к фронту, то во Вторую мировую

войну интенсивное движение войск по железной дороге начиналось ДО войны. Нападение может быть внезапным стратегически, когда за несколько дней, а то и недель угроза становится реальностью, но времени отреагировать на нее уже нет и лихорадочное выдвигание войск к границе запаздывает, нападение противника начинается до того, как войска придут на место для отражения удара или для реализации наступательного плана. В реальности войне предшествует период политической напряженности, и в этот период войска совершают телодвижения по подготовке к возможным боевым действиям. Рассмотрим реальные мероприятия стран — участников Второй мировой войны, проводившиеся ДО начала боевых действий. То есть действия, которые В. Суворов расценивает как наличие агрессивных намерений. Начнем с первой жертвы мировой войны — Польши. После уже упоминавшейся мной частичной мобилизации польской армии в марте 1939 года были произведены перемещения войск. 20-я пехотная дивизия выдвигалась на юго-запад от Пиотркува, а новогрудская кавалерийская бригада — к северу от Плоцка. Но основные перегруппировки войск, предусмотренные планом стратегического развертывания, были начаты только 26 августа, то есть за неделю до войны. В этот день соединения польской армии получили приказ на выдвигание в намеченные районы сосредоточения. Приказ о занятии армиями и оперативными группами первого эшелона исходного положения был отдан 30 августа, за два дня до войны. Многие соединения при этом перебрасывались по железной дороге через всю страну на 500—800 км. К моменту нападения немцев из 47 намеченных польским планом соединений закончили сосредоточение только 24. По находившимся в движении в период 1—5 сентября 1939 года 8 польским соединениям работала

немецкая авиация, препятствуя процессу сосредоточения и развертывания этих соединений. Из этих 18 соединений попали в намеченные по довоенным планам районы 10, опоздали три и вынуждены были сменить станцию выгрузки четыре. Но даже приехавшие на место войска вступали в бой с ходу и были разгромлены немцами. Мы видим, что тот, кто проводит мероприятия по скрытому развертыванию недостаточно энергично, оказывается перед лицом агрессии слабым и беззащитным. Польская военная мысль определенно отставала от мировых теорий ведения начального периода войны. Ее союзник, Франция, дала нам более показательные примеры скрытых мероприятий по подготовке армии к войне в напряженной политической обстановке. 21–23 августа, более чем за неделю до объявления войны, французские кадровые дивизии были погружены на грузовики и поплыли к позициям на границе. 27 августа вместе со скрытой мобилизацией был введен в действие план «всеобщего прикрытия», согласно этой директиве было поднято до 50 дивизий, которые, однако, не завершили сосредоточения к началу войны, что в какой-то мере помешало Франции помочь Польше. В наиболее цельном и последовательном виде скрытые мероприятия по подготовке к войне прошли в Германии. Как и в случае с планированием, немецкая военная мысль находилась на острие прогресса. Немцы ПОЛНОСТЬЮ сместили период сосредоточения и развертывания в мирное время. Сосредоточение и развертывание немецких войск в Восточной Пруссии началось с 6 августа 1939 года под предлогом празднования 25-летия битвы под Танненбергом в августе 1914-го. В результате подобных мероприятий к 25 августа из 58 соединений, предназначенных для действий против Польши, 29 уже находились в районах сосредоточения. Далее сосредоточение и развертывание

проводились параллельно с проведением общей скрытой мобилизации. К утру 1 сентября 1939 года были уже развернуты 43 соединения, то есть практически главные силы войск вторжения. Против 24 соединений польской армии. Исход поединка 43 против 24 предугадать несложно.

Примером удачного проведения стратегического развертывания служит Финляндия. Вот что пишет об этом в своих мемуарах Маннергейм: «Однако сейчас стартовая ситуация была совершенно иной — хотелось крикнуть, что первый раунд был за нами. Как войска прикрытия, так и полевую армию мы смогли вовремя и в прекрасном состоянии перебросить к фронту» (Маннергейм К.-Г. Мемуары. М.: Вагриус, 2000. С. 260). Финны в условиях политической напряженности в отношениях с Советским Союзом предпочли до начала войны произвести выдвижение войск к границам. И это дало им весомые преимущества в первых сражениях с наступающими советскими войсками. Это очевидный пример того, как развертывание войск до начала войны, движение войск к границам может помочь в оборонительной войне.

Теперь обратимся к событиям в нашей стране и попробуем их оценить на основе полученных знаний о примере других стран. Если смотреть на события через призму всего того, что я изложил о развертывании и сосредоточении армий выше, становится ясно, как недорого стоят «открытия» Владимира Богдановича: *«После того как Германия начала превентивную войну, Второй стратегический эшелон (как и Первый) использовался для обороны. Но это совсем не означает, что он для этого создавался. Генерал армии М. И. Казаков говорит о Втором эшелоне: «После начала войны в планы его использования пришлось внести кардинальные изменения» (ВИЖ. 1972. № 12. С. 46). Генерал-майор В. Земсков выражается более точно: «Эти*

резервы мы вынуждены были использовать не для наступления в соответствии с планом, а для обороны» (ВИЖ. 1971. № 10. С. 13)». Польские дивизии, о которых я говорил выше, тоже были использованы не в соответствии с первоначальными планами, они также были использованы для затыкания дыр на фронте. Но это не означает, что война Германии против Польши носила превентивный характер. Аргумент со Вторым стратегическим эшелоном используется Владимиром Богдановичем в расчете на неподготовленного читателя, который не знает, что происходило в других странах в дни, недели и месяцы, предшествовавшие дню начала боевых действий, вошедшему в учебники истории. В этих странах происходили ровно те же самые процессы скрытого развертывания и сосредоточения, и чем энергичнее эти процессы проводились, тем больше были шансы избежать полного разгрома и разрушения страны. Так же, как и в польской армии, в момент нападения Германии многие соединения РККА не успели прибыть в места, назначенные им планами. На 22 июня только 83 воинских эшелона, выдвигавшиеся по июньским директивам, прибыли в назначенные пункты, 455 находились в пути, 401 еще не грузились. Точно так же, как и в Польше, соединения, ехавшие к местам назначения на границе, были вынуждены менять станции выгрузки, применяться не так, как это предполагалось по планам.

Но на страницах «Ледокола» описание всех этих событий, как обычно, не обошлось без мелкого жульничества и жонглирования цитатами. Владимир Богданович пишет: *«В марте, апреле, мае была проведена грандиозная тайная переброска советских войск на запад. Весь железнодорожный транспорт страны был вовлечен в эту колоссальную тайную операцию. Она завершилась вовремя, но десятки тысяч вагонов должны были вернуться на тысячи киломе-*

тров назад. Поэтому 13 июня, когда началась новая сверхогромная тайная переброска войск, всем армиям просто не хватило вагонов». Тезис о страшной перегрузке ж. д. сети стоило подкрепить какими-либо фактами, поскольку в дальнейшем никаких сведений о массовой перевозке войск В. Суворовым не приводится. Масштаб перевозок в апреле — мае совсем не впечатлял: «26 апреля Военные советы Забайкальского округа и Дальневосточного фронта получили приказ подготовить к отправке один механизированный, два стрелковых корпуса и две воздушно-десантные бригады. В тот же день Уральскому военному округу было дано указание перебазировать к 10 мая в состав Прибалтийского округа две дивизии. Из Сибирского военного округа требовалось к 15 мая 1941 г. отправить в ЗапОВО 201-ю стрелковую дивизию, а в КОВО — 225-ю стрелковую дивизию» (Хорьков А. Г. Грозовой июнь. М.: Воениздат, 1991. С. 168). В ПриОВО эти дивизии... переформировали в противотанковые артиллерийские бригады. Аналогичная судьба постигла 231 и 224 сд МВО, которые по директиве НКО СССР №Орг/2/522726 от 29 апреля 1941 г. перебрасывали в ЗапОВО. (см. 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 123). Войска ЗаБВО — это 16-я армия Второго стратегического эшелона, которая и к началу войны не успела целиком добраться до места назначения. Четыре дивизии из внутренних округов в приграничные — это вообще гроши. Тем более что их переформировывали в противотанковые бригады и отправляли на запад без тяжелых орудий и конского состава. Но Владимир Богданович даже об этом не знает. За неимением других фактов к переброске войск приплетаются саперные батальоны, работавшие на строительстве «Линии Молотова»: «Генерал-лейтенант В. Ф. Зотов (в то время генерал-майор, начальник инженерных войск СЗФ):

«Саперные батальоны были отмобилизованы по штатам военного времени... десять батальонов, прибывших с Дальнего Востока, были вооружены полностью» (На Северо-Западном фронте (1941–1943)). Саперные батальоны дивизий внутренних округов (отдельно от своих соединений) работали на строительстве оборонительных сооружений на новой границе, а представляется это В. Суворовым как переброска войск с Дальнего Востока. Владимира Богдановича не любят именно за методу исследования, выдергивание из контекста нужных ему цитат и игнорирование фактов, противоречащих его теории.

Здесь же хотелось бы упомянуть и об ошибках некоторых историографов, пытающихся представить расположение советских войск в несколько эшелонов как заранее продуманный план, а не незавершенную реализацию предвоенных планов. Возможно, по их мнению, такая хорошая мина при плохой игре выставляла советское руководство в выгодном свете. Вопрос о том, почему этот хитроумный план не сработал, оставался за кадром. На самом деле всегда лучше просто излагать события, максимально беспристрастно. Реальность, пусть и не очень приятная, более убедительна, чем собранные из разноцветных лоскутов теории. Реальность лучше всяких патетических пассажей показывает нам, что наши предки совершили бессмертный подвиг, сумев в конечном итоге переломить ситуацию проигранного дебюта в свою пользу. В случае со Вторым стратегическим эшелоном имеет место классическая проекция тактики на оперативное искусство. Если в масштабах полка, дивизии Второй эшелон вполне заурядная вещь, то на оперативном и стратегическом уровне действуют совершенно другие механизмы. В масштабах полка или дивизии Второй эшелон может быть использован для наращивания успеха в наступлении, для нанесе-

ния контрудара в обороне. Два эшелона дивизии или даже корпуса располагаются на участке местности, по своим размерам вполне сравнимом с подвижностью войск. Если же мы отмасштабируем двухэшелонное построение войск на целую страну, то смысл двух эшелонов совершенно потеряется. Эшелоны войск будут разделены сотнями километров и будут не в состоянии оказать содействие друг другу. Войска у границ будут рассекаться и окружаться противником, а второй эшелон в глубине страны не в состоянии помочь им. Схема, работавшая на тактическом уровне, где эшелоны вели бой, помогая друг другу, теряет актуальность. Поэтому объяснение существования Второго стратегического эшелона как самостоятельной группы войск является малоубедительным. ВСЭ — это войска, не успевшие до начала боевых действий стать частью Первого эшелона, частью войск у границы или резервами соответствующих фронтов.

Помимо выдвигания армий из внутренних округов, ближе к границе выдвигались, как их назвал Г. К. Жуков, «глубинные» дивизии особых округов. Владимир Богданович пишет о масштабах этого выдвигания следующее: *«Всего в Первом стратегическом эшелоне находилось 170 танковых, моторизованных, кавалерийских и стрелковых дивизий. 56 из них находились вплотную к государственным границам. [...] Остальные 114 дивизий Первого стратегического эшелона находились в глубине территории западных пограничных округов и могли быть придвинуты к границе. Нас интересует вопрос: сколько же из этих 114 дивизий начали движение к границам под прикрытием успокаивающего сообщения ТАСС? Ответ: ВСЕ! «12–15 июня западным военным округам был отдан приказ: все дивизии, расположенные в глубине, выдвинуть ближе к государственным границам» (Грылев А., Хвостов В. // Коммунист. 1968. № 12. С. 68)».*

Журнал «Коммунист» — это, конечно, мощный военно-исторический источник, можно сказать, глыба советской исторической науки. Разумеется, и в «Коммунисте» можно при желании найти полезную информацию, но ее нужно тщательно проверить перед употреблением. Но «ВСЕ» — это широковещательное и необоснованное утверждение.

Попробуем разобраться, кто остался на месте, а кто двигался к границе из декларированных «Коммунистом» и В. Суворовым 114 дивизий. Для начала имеет смысл разобраться, какие соединения попадают в число 56 дивизий у границы. ЛенВО (9 сд, 1 сбр), ПрибОВО (9 сд, 1 сбр), ЗапОВО (сд 12, тд 1, кд 1), КОВО (сд 16, тд 1, кд 1) и ОдВО (сд 5, кд 1) (уточненные данные из «1941 год. Уроки и выводы, стр. 91, в расчеты включены 41 тд 22-го мехкорпуса, 22 тд 14-го мехкорпуса, 3 кавдивизия и исключены дивизии на морской границе в Крыму). Соответственно, все остальные дивизии механизированных корпусов армий приграничных округов причислены к 114 дивизиям на расстоянии 50 и более километров от границы. Никто никуда эти дивизии мехкорпусов до 18 июня (только 3-й и 12-й МК ПрибОВО) не выдвигал. Соответственно, вычитаем из 114 дивизий большую пачку из 22 танковых дивизии и 12 моторизованных, цифра сразу скукоживается до 80 дивизий. Про 3-й и 12-й мехкорпуса см. ниже. Оставались на месте и «глубинные» мехкорпуса войск особых округов: 17-й, 19-й, 20-й, 24-й. Эта когорта инвалидов формировалась весной 1941 года, и все они имели низкую комплектность личного состава и техники. Поэтому никто их к границам до начала войны не выдвигал. Например, 43 тд 19 мк 22 июня находилась в месте постоянной дислокации в г. Бердичев и получила приказ на выдвижение только в 12:00 22-го числа. То же самое с остальными дивизиями этих мехкорпусов. В число соединений, не участво-

вавших в движении к границам, входил также 9-й мехкорпус К. К. Рокоссовского, формировавшийся в 1940 г. Он тоже не блистал комплектностью и тоже остался на месте. Одним словом, если попытаться проверить утверждение журнала «Коммунист», на котором базируется В. Суворов, то выясняется, что «глубинные» мехкорпуса КОВО, а это 6 танковых и 3 моторизованных дивизии, входящие в число 114, оставались на месте вплоть до начала войны. То же самое с такими же слабосильными мехкорпусами ЗапОВО, формировавшимися с весны 1941 г. Согласно журналу боевых действий Западного фронта, на 22 июня 1941 г. 17-й механизированный корпус никуда не перемещался и не собирался перемещаться, штаб корпуса находился в Барановичах, 27 тд — в Новогрудке, 36 тд — в Несвиже, 209 мд — Ивье. Штаб 20-го МК находился в Барановичах, 38 тд — в Борисове, 26 тд — в Минске, 210 мд — в Осиповичах. Всего 6 дивизий. Про перемещаемые соединения журнал честно сообщает: «143-я стрелковая дивизия перевозилась по железной дороге из Гомеля в район Бытень» (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск №35. М.: Воениздат, 1959. С. 9–10). Эти механизированные соединения мы из списка «услышал «там-там» и пошел» вычеркиваем. Вычитаем из оставшихся 80 дивизий 15, остается 65. В этот же список вносим 6 стрелковых дивизий, сформированных из армий бывших прибалтийских государств. Их тоже никуда не двигали, а с началом войны угнали подальше в тыл. Вычитаем из 65 шесть, остается 59. Запланированный к перевозке к границе в оперативных планах 7-й стрелковый корпус находился в местах постоянной дислокации (196 сд — в Днепропетровске, 20 сд — в Павлограде, 147 сд — в Кривом Роге) и получил приказ Н. Ф. Ватутина на выдвижение в район Фастова только после начала войны, 25 июня (Русский Архив. Великая оте-

чественная. Том. 12(1). М.: Терра, 1998. С. 35). Никуда не выдвигалась 116-я дивизия, дислоцировавшаяся в Николаеве. Продолжим операцию вычитания: $59-4=55$. Также никуда не двигался 9-й особый корпус П. И. Батова в Крыму. Это еще минус три дивизии, остаются 52 дивизии вместо декларированных 114. В ЛенВО 122 сд получила приказ выдвинуться к границе, а 1 тд 1 мехкорпуса была переброшена на Кандалакшское направление (Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л.: Лениниздат, 1968. С. 182). Вместе с тем 177-я и 191-я дивизии — резерв округа, а также две другие дивизии 1-го мехкорпуса оставались на местах постоянной дислокации. Из оставшихся 52 дивизий вычитаем еще четыре, остается 48. Как изволит выражаться В. Суворов? «этот список можно продолжать бесконечно». Человеку, утверждающему: *«В моей личной библиотеке так много документов о движении войск к границам, что хватило бы для того, чтобы написать несколько толстых книг на эту тему»* — стоит посоветовать начать коллекционировать информацию о тех, кто к границам не выдвигался. Я уж молчу о том, что стоило сверить количество дивизий для «нескольких толстых книг» с заветным числом 114. Причины того, что дивизии оставались на прежних местах дислокации, были различными. Некоторые дивизии не собирались никуда передвигать, поскольку их перемещение было заложено в план прикрытия ЗапОВО: «24-я и 100-я стр[елковые] дивизии перевозятся в первую очередь поэшелонно автотранспортом и по жел[езной] дороге с расчетом сосредоточения первых эшелонов дивизий в назначенные им по плану районы сосредоточения не позднее М-3». Подчеркну: не «Эм минус три», а «Эм дефис три», то есть на третий день после объявления мобилизации. И эти дивизии были неодинокими: «155-я стр[елковая] дивизия перебрасывается

в район сосредоточения комбинированным маршем: походом, автотранспортом и по железной дороге. В распоряжение командира 155-й стр[елковой] дивизии к утру М-5 в район Барановичи придут после окончания перевозки 24-й стр[елковой] дивизии 30-й автотранспортный полк в общем составе 240 автомашин ЗИС-5 и 625 ГАЗ-АА». «55-я стр[елковая] дивизия перебрасывается автотранспортом и по жел[езной] дороге. В распоряжение командира 55-й стр[елковой] дивизии к утру М-5 после окончания перевозки 100-й стр[елковой] дивизии в район Слуцк придут 15-й и 32-й автотранспортные полки в составе 269 машин ЗИС-5 и 1 140 машин ГАЗ-АА». Начало жел[езно] дорожных перевозок 155-й и 55-й стр[елковых] дивизий — с утра М-4 по окончании их отмобилизования. (Все цитаты из плана прикрытия даются по: ВИЖ. 1996. № 3. С. 9). И 55 сд ждала в Слуцке, когда объявят мобилизацию, дивизия получит резервистов и тракторы из народного хозяйства. А на 5-й день мобилизации приедут грузовики, на 4-й подадут эшелоны. Так что о толпе в 114 дивизий, едущих и идущих к границе, не может быть и речи. Правильный ответ — 32 (прописью: тридцать две) дивизии. И я готов их перечислить поименно. Это 1 тд ЛВО, 23-я, 46-я, 126-я и 128-я стрелковые дивизии, 11-я стрелковая дивизия в ПриОВО, 161-я, 50-я стрелковые дивизии, 21 ск (17, 37 сд), 44 ск (64, 108 сд), 47-й (121-я, 143-я стрелковые дивизии), ЗапОВО, 135-я стрелковая дивизия, 31 ск (193, 195, 200 сд), 36 ск (140, 146, 228 сд), 37 ск (80, 139, 141), 49 ск (190, 197, 199 сд), 55 ск (130, 169, 189 сд) в КОВО, 48 ск (30 гсд, 74 сд) ОдВО.

Некоторые комментарии и источники сведений. «Глубинные» корпуса Киевского особого военного округа — 31, 36, 37, 49 и 55 ск — выдвигались по директиве НКО №504205 от 13 июня 1941 г. Военному совету КОВО.

Аналогичную директиву на выдвижение 21, 44 и 47 ск получил Военный совет ЗапОВО. Обе директивы опубликованы в сборнике «1941 год». «135-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Ф. П. Смехотворов) находилась на марше из пунктов дислокации мирного времени (Дубно, Острог, Изяслав) в район м. Локачи, м. Свинюхи. К 4 часам 22 июня голова колонны главных сил достигла района дневки — лагеря Киверцы (12 км сев.-вост. Луцка на удалении 100 км от границы)» (Владимирский А. В. На киевском направлении. М.: Воениздат, 1989. С. 24). «11 сд перевозилась из Ленинградского военного округа в Прибалтийский и выгружалась из эшелонов юго-восточнее Шауляя» (1941 год. Уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. С. 90).

Теперь давайте вернемся к 3-му и 12-му мехкорпусам Прибалтийского Особого военного округа, получившим директиву на выдвижение 18 июня 1941 г. С некоторой натяжкой их можно включить число дивизий, выдвигавшихся ближе к границе. Подчеркну: именно ближе к границе, а не непосредственно на границу. Владимир Богданович сетует, что ему неизвестен пункт назначения 28 тд 12-го мехкорпуса: *«Известен небольшой отрывок из боевого приказа, который в тот же день, 18 июня 1941 года, получил полковник И. Д. Черняховский (в последующем генерал армии), командир танковой дивизии того же 12-го механизированного корпуса. [...] Очень жаль, что весь приказ не опубликован. Он остается секретным, как и полвека назад. Согласно германским трофейным документам, первая встреча с 28-й танковой дивизией произошла под Шауляем. Но дивизия имела задачу выйти к самой границе»*. Секретным этот приказ был ровно 20 лет. Опубликован полностью в печатном виде спустя 12 лет после войны. Про районы сосредоточения в приказе написано следующее:

«4. В 23:00 18.06.1941 частям выступить из занимаемых зимних квартир и сосредоточиться:

а) 28-й танковой дивизии без мотострелкового полка — в лесах Бувоини (2648), м. Груджай (2040), Бриды (1046), Норейки (1850) (все западнее шаулянского шоссе).

К 5:00 20.06.1941 командный пункт — лес 1,5 км северо-западнее Норейки (2050).

б) 23-й танковой дивизии в полном составе — в лесах в районе м. Тиркшляй (3680), м. Седа (2666), Тельшай (0676), м. Тришкяй (1498).

К 5:00 20.06.1941 командный пункт — лес 2 км севернее Неримдайчяй (северн.) (1886).

в) 202-й мотострелковой дивизии в полном составе — в лесах в районе Драганы (9222), Гесьви (9814), Валдейки (8680), Науконис (8418)» (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск №33. М.: Воениздат, 1957. С. 22–23. Гриф «секретно» снят в 1965 г.).

Желающие могут посмотреть на карту и убедиться, что районы сосредоточения дивизий 12 мехкорпуса в нескольких десятках километров от границы. То же самое с дивизиями 3-го мехкорпуса. Д. И. Осадчий, встретивший войну в этом мехкорпусе, пишет: «22 июня 1941 года 5-я танковая рота 3-го танкового полка 2-й танковой дивизии Прибалтийского Особого военного округа, которой мне довелось командовать, готовилась к учению. Подготовка проходила в лесу, в 4–5 км от военного городка в районе сбора по тревоге, где мы находились с 18 июня». И чуть ниже: «Район дислокации полка располагался приблизительно в 120 км от государственной границы» (ВИЖ. 1988. № 6. С. 52). Владимир Богданович статью Д. И. Осадчего читал, цитирует ее в другом месте, но на неудобную для него цифру в 120 км «не обратил внимания».

Несмотря на все эти факты, Владимир Богданович привязывает выдвижение к границам к сообщению ТАСС: *«Итак, 13 июня 1941 года — это начало самого крупного в истории всех цивилизаций перемещения войск»*. 13 июня не было тем днем, когда дивизии второй волны Первого стратегического эшелона все вдруг поднялись и двинулись к границе. Сроки начала выдвижения были различными. Формально ситуация выглядит так: «Начиная с середины июня 1941 г. по решению командующего ЗапОВО генерала армии Д. Г. Павлова 31-й (имеется в виду, наверное 21-й. — Я), 47-й и 4-й стрелковые корпуса начали выдвижение из районов постоянной дислокации, удаленных на 400–600 км от границы (Полоцк, Витебск, Лепель, Смоленск, Могилев, Бобруйск), ближе к границе в районы, удаленные от нее на 100–300 км (Лида, Барановичи, Минск)». (Хорьков А. Г. Грозовой июнь. М.: Воениздат, 1989. С. 176). Приказ на выдвижение ближе к границам 47-го стрелкового корпуса был отдан руководством ЗапОВО 21 июня 1941 г. (Сборник боевых документов ВОВ. Выпуск №35. М.: Воен стр. 11.). Соответственно, на 22 июня 1941 г. успел отправить из Бобруйска только часть штаба и корпусных частей (там же, с. 9). Решение о выдвижении других частей, напротив, принималось до сообщения ТАСС. «6 июня военный совет Одесского округа обратился к начальнику Генерального штаба за разрешением на передислокацию 48-го стрелкового корпуса на наиболее вероятное направление действий противника. После того как разрешение было получено, 74-я и 30-я стрелковые дивизии и управление корпуса к 15 июня сосредоточились на новых позициях, немного восточнее Бельцы» (ВИЖ. 1978. № 4. С. 89).

Если окинуть взором картину расположения советских войск на момент начала войны, то дивизии и корпу-

са РККА можно разделить на три большие группы. Первая — это находящиеся на 0–100 км от границы войска, которые должны были осуществлять прикрытие границы по планам, заложенным в «красные пакеты». Второй эшелон — это «глубинные» дивизии, выдвигавшиеся в районы на расстоянии 80–100 км от границы и находившиеся на 22 июня на расстоянии 200–400 километров от границы. Выдвигалась вторая группа в районы, предусмотренные планами прикрытия, а не непосредственно к границе. Эти две группы войск составляли Первый стратегический эшелон. Третья группа — это армии внутренних округов, разгружавшиеся на рубеже Зап. Двина, Днепр в нескольких сотнях километров от границы.

Какова была задача Первого и Второго стратегических эшелонов РККА? Сведем данные об эшелонах советских и немецких войск для понимания их назначения и численности (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1

ЭШЕЛОНИРОВАНИЕ РККА И ВЕРМАХТА

Эшелон	Дивизии	РККА (факт/плановое количество по записке Ватутина)	Вермахт и союзники Германии
1) Первый эшелон (армии прикрытия советских войск и армии противника, наступающие в Первом эшелоне)	Стрелковые (пехотные)	66/120	117
	Танковые	24/40	17
	Моторизованные	12/20	15,5
	Кавалерийские	6/6	3,5
	Всего	108/186	153

Эшелон	Дивизии	РККА (факт/плановое количество по записке Ватутина)	Вермахт и союзники Германии
2) Второй эшелон (Вторые эшелоны фронтов и групп армий)	Стрелковые (пехотные)	37/22	13
	Танковые	16/7	—
	Моторизованные	8/3	—
	Кавалерийские	1/—	—
	Всего	62/32	13
3) Резерв (Второй стратегический эшелон и резерв ОКХ)	Стрелковые (пехотные)	?/13	—
	Танковые	?/4	21
	Моторизованные	?/2	2
	Кавалерийские	—	1
	Всего	77/19	24

Если оперировать относительными цифрами, то в группировке советских войск было 43% дивизий в Первом эшелоне против 77% у немцев. Поэтому и выдвигались войска к границе, чтобы вдоль границы СССР с Германией и ее сателлитами были выстроены две примерно равноценные по численности армии, подобно тому, как выстраиваются перед началом партии шахматные фигуры на доске. По записке Ватутина, самому последнему предвоенному документу советского военного планирования, предполагалось собрать против Германии в первом эшелоне 186 дивизий (см. первый раздел таблицы). В приграничных округах было 170 дивизии, включая три дивизии в Крыму. Это означает, что откуда-то нужно взять еще 19 дивизий. 19 июня 1 тд 1-го мехкорпуса убыла на

Кандалакшское направление, и разница составила уже 20 дивизий. Эти 20 дивизий как раз и предполагалось по записке Ватутина выдвинуть из внутренних округов: 7 из Приволжского, 7 из Харьковского и 6 из Орловского военных округов. Эти соединения должны были объединяться управлениями 20-й и 21-й армии, которые в реальности до мест назначения доехать не успели и вошли во Второй стратегический эшелон. Второй раздел — это резервы фронтов для парирования возможных кризисов, по записке Ватутина это 22-я армия из Уральского округа за Западным фронтом и 16-я армия (ЗабВО), 19-я армия (СКВО) за Юго-Западным фронтом. Третий раздел — это армии Резерва Главного командования, 28-я армия из Архангельского военного округа и 24-я армия, управление которой перебрасывалось из Сибирского военного округа. Для организации такого построения войск и производились перемещения дивизий, корпусов и армий к границе. Армия мирного времени — это разбросанные по всей стране армейские части, для ведения боевых действий их нужно построить в определенном порядке на предполагаемом театре военных действий. Вне зависимости от тех задач, обороны или наступления, которые мы этим войскам ставим.

Что говорят о предназначении Второго стратегического эшелона наши военачальники? В. Суворов умудряется при цитировании исказить смысл сказанного и даже не понимает, о чем идет речь: *«На совещании вблизи границ кроме командиров Первого стратегического эшелона присутствуют высокие гости из Второго стратегического эшелона во главе с командующим Московским военным округом генералом армии И. В. Тюленевым, который занимает в ряду тысячи генералов третье место. Пользуясь присутствием Тюленева, генерал армии Д. Г. Павлов объясняет командующему 4-й армии генерал-лейтенанту В. И. Чуйкову (будущее-*

му Маршалу Советского Союза) назначение Второго стратегического эшелона: «...Когда из тыла подойдут войска внутренних округов, — Павлов посмотрел на Тюленева, — когда в полосе вашей армии будет достигнута плотность — семь с половиной километров на дивизию, тогда можно будет двигаться вперед и не сомневаться в успехе». Как обычно, Владимир Богданович до неузнаваемости искажает цитату. Посмотрим, что сам Сандалов пишет: «Вначале, может быть, придется и отступить, — уточнил Павлов. — У немцев теперь не стотысячная армия, какую они имели в 1932 году, а трехмиллионная. Она насчитывает свыше трехсот соединений, располагает большим количеством самолетов. Если враг перед началом войны сосредоточит у наших границ хотя бы две трети своих сил, нам в первое время придется, конечно, обороняться и даже отступить... А вот когда из тыла подойдут войска внутренних округов, — Павлов посмотрел на Тюленева, — когда в полосе вашей армии будет достигнута уставная плотность — 7,5 километра на дивизию, тогда, конечно, можно будет двигаться вперед и не сомневаться в успехе. Не так ли?» (Сандалов Л. М. Пережитое. М.: Воениздат, 1966. С. 65). Как говорится, почувствуйте разницу.

Слова Д. Г. Павлова поймут только знакомые с военными теориями 30-х годов люди. Павлов имел в виду начальный период войны с 15–20 дневной паузой на период мобилизации, сосредоточения и развертывания. В этот период, пока к границе едут войска из внутренних округов, приграничные армии осуществляют прикрытие границы, ведут борьбу за господство в воздухе и срыв сосредоточения и развертывания противника. Плотность 7,5 км на дивизию — это не плотность для наступления, это плотность в среднем на фронте округа, позволяющая начинать операции в соответствии с уставами.

А Владимир Богданович в военной теории оказывается, мягко говоря, слабоват. И даже не в технологии ведения начальных операций, но и в азах военной науки: *«Плотность войск «семь с половиной километров на дивизию», которую используют советские генералы, — это стандарт для наступления. В то же время для оборонительных действий дивизии давалась полоса местности в три — четыре раза большая»*. Откуда взял эти нормативы Суворов, для меня остается тайной. По ПУ-39 ширина фронта наступления стрелковой дивизии колебалась от 2 до 6 км:

«98. Ширина фронта боевого порядка наступления зависит от характера сопротивления противника, наличных средств подавления и условий местности.

Она может измеряться протяжением:

- для дивизии — от 2,5 до 3,5 км,
- для корпуса — от 8 до 12 км.

При атаке сильно укрепленных полос и УР ширина фронта наступления может сокращаться:

- для дивизии до 2 км,
- для корпуса до 7 км.

На второстепенных направлениях ширина фронта наступления может в зависимости от обстановки возрасти:

- для дивизии до 5–6 км,
- для корпуса до 15–18 км» (Полевой устав РККА (ПУ-39). М.: Воениздат, 1939. С. 62).

Нормативы на оборону по ПУ-39 предусматривались следующие: «Ширина фронта боевого порядка обороны определяется шириной фронта сковывающей группы. Дивизия может оборонять полосу по фронту 8–12 км и в глубину 4–6 км. Полк может оборонять участок по фронту 3–5 км и в глубину 2,5–3 км. Батальон может оборонять район по фронту 1,5–2 км и такой же глубины. При обороне УР фронты могут быть шире, доходя до